

|| с е м е и н ы и д е т е к т и в ||

Марина
БОЛДОВА

Кольцо
блаженной
Августины

Издательство АСТ
Москва

УДК821.121.1-312.4
ББК84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Издание подготовлено при участии литературного агентства
«Флоберיום»

Оформление — *О. Жукова*

Болдова, Марина.

Б79 Кольцо блаженной Августины: [роман] / Марина Болдова — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 288 с. — (Семейный детектив).

ISBN 978-5-17-147594-9

Простое кольцо, артефакт созданного в давние времена сообщества ювелиров, в наши дни неожиданно становится предметом охоты многих, на первый взгляд, чужих друг другу людей. Что за тайну скрывает оно, если в один день убиты молодой мужчина и его жена? А наследница кольца даже не подозревает, чем так ценно это на вид недорогое изделие, которое до недавнего времени хранилось в мастерской ее давно умершего отца.

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147594-9

© Болдова М., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Самуил Бенц смотрел на дочь: «Блаженная... Как же не вовремя я оставляю тебя». Поиск решения, кому бы он мог доверить опеку над девочкой, мучил его с того дня, как он узнал о неутешительном диагнозе. Собственно, родственников было двое — родная сестра Алла и ее муж Иосиф Биргер. Легкомыслие первой вызывало опасения, что дочь останется без должной заботы. Иосиф мог бы ей стать близким человеком, но был столь же далек от земной жизни, сколь и звезды, кои изучал. В браке с Аллочкой он пребывал более десяти лет, племянницу же до недавнего времени никак не мог запомнить ни внешне, ни по имени. «Кто это у нас тут такой хорошенький?» — вопрошал он при очередном визите, отрешенно глядя поверх ее головы и протягивая игрушку. «Я — Августина Бенц, ваша племянница!» — каждый раз заученно отвечала его, Самуила, дочь, глядя таким же отрешенным взглядом в сторону.

«Нет, теперь, когда все узнал, Иосиф не посмеет оставить ее без помощи, да и Алла, возможно, проникнется заботой не только о муже, но и о ребенке. А присмотреть за ними я попрошу Лилию», — подумал он о подруге детства, которой доверял как никому.

От раздумий его отвлекла мелодия дверного звонка.

— Авгуша, открой. Верно, доктор пожаловал. Что-то раненько он сегодня.

— Да, папа. — Августина отложила в сторону книгу...

Самуил смотрел на человека, своей массивной фигурой закрывшего дверной проем, с ужасом.

— Где кольцо, учитель? Оно по праву должно принадлежать мне! — Гость сделал шаг к постели Бенца.

— Да, но оно у...

— Только не нужно врать, я все знаю! — зло перебил его тот и сделал еще шаг.

— Откуда? — прошептал Самуил и попытался сесть.

— Не столь важно, — усмехнулся гость в ответ. — Вы надеялись, что никто не узнает, как оно к вам попало? Отдайте кольцо мне по-хорошему, и я уйду. Что с вами?! Нет! Ну, нет же! Только не сейчас!

Самуил видел, как молодой человек в отчаянии сжал кулаки, словно готовясь ударить его. Но это было уже неважно. Он перевел взгляд на дочь. Чувствуя, что умирает, теряя остатки сил, попытался сказать Августине прощальные слова. Сознание путалось, Самуил уже смутно различал силуэты дочери и гостя. Скоро и они растворились в белой пелене. Последним мелькнул все тот же страх за девочку.

* * *

— Ты точно как всегда. — Мужчина усмехнулся и, осмотревшись вокруг, присел на скамейку рядом с молодой женщиной. — А ребенок зачем? Или ты хочешь, чтобы я...

— Не успела в садик отвести, — пролепетала та в ответ, пытаясь отодвинуться. — Там, на детской площадке, присмотрят. Я же недолго, правда?

— От тебя будет зависеть! Нашла? — Он обнял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в висок. — Что ты дрожишь, боишься, что ли? Глупышка... я же тебя люблю! Ну, давай!

— Ты обещал рассказать, зачем тебе это кольцо? И ты точно уедешь? Ты обещал... — Она полезла в карман куртки, но руку обратно доставать не спешила.

— Хватит! Если расскажу, ты передумаешь! Ты же не совсем дура! — грубо перебил мужчина, дергая ее за руку. — Черт! Где кольцо? Ты что, обмануть меня решила?!

Он резко оттолкнул ее, вскочил со скамейки и встал напротив.

— И даже не думай! — Он с размаху ударил ее по лицу левой рукой. Женщина вдруг схватилась за голову и стала заваливаться на бок. Не издав больше ни звука, упала на сиденье скамьи и замерла.

Мужчина схватил ее запястье. Видимо, так и не поняв, есть ли пульс, резко отбросил руку в сторону. «Вот дура! Ну не дура ли?» — тихо произнес он, обыскивая женщину. Наконец, обнаружив во внутреннем кармане куртки бархатную коробочку, удовлетворенно улыбнулся.

— Еще ребенка привела... — еще раз повторил он, быстро шагая прочь.

Он не услышал тихого детского плача, доносившегося из ближних кустов. И не видел, что как только он свернул на боковую аллею, маленький мальчик подбежал к женщине и стал громко звать на помощь.

Глава 1

В квартире пахло сыростью, майор Игорь Калашин никак не мог понять, откуда в жилом помещении такой спертый воздух — как в подвале. Что, хозяева совсем не ухаживают за собственным жильем?

Вызов на труп застал его в дверях кабинета: майор должен был уйти раньше, еле выпросил на завтра выходной, чтобы выполнить давнее обещание бывшему начальнику — привезти с трассы корзину опят, что продают грибники, едва выйдя из леса. Игорь ездил сегодня в соседнюю Ульяновскую область, на обратном пути купил два лукошка грибов, по пути завернул на сельский базарчик и взял еще пару банок соленых. Вернувшись в контору как раз в обед, удержаться не смог, ополовинив одну банку с краюшкой серого. Запив сладким чаем и припрятав оставшееся лакомство в сейф, направился на доклад к полковнику.

Банка так и осталась в сейфе, оба лукошка — в багажнике, а он, майор Калашин, стоит сейчас тут и принюхивается к чужим квартирным запахам.

Игорь прошел в комнату, взглядом скользнул по телу на полу и, задрвав голову, посмотрел на потолок — вокруг старого светильника на пять рожков расплзлось свежее мокрое пятно. «Понятно, трубу прорвало на чер-

даке — полным ходом идет подготовка к отопительному сезону», — с легким сарказмом подумал он, опуская взгляд к полу.

— Кто обнаружил тело? — Калашин решил, что этот мертвый молодой мужчина с пробитой головой напоминает ему какого-то сериального актера, фамилию которого он не вспомнит точно — такая плохая память была у него на имена и фамилии. Запомнить ряд цифр, штук так десять — пожалуйста, номер машины — без проблем, но буквы... «Нерусь ты, братец!» — смеялась над ним сестра Ольга, а он в ответ лишь виновато улыбался. Ну, такой вот недостаток, что ж...

— Приходящая домработница, — прокашлявшись, ответил участковый.

— Документы? — Калашин, заметив, что тот открывает папку, кивнул на труп и требовательно протянул руку.

— Загранпаспорт. Изъял из правого верхнего ящика комода. Паспорт был упакован в полиэтиленовую пленку, обмотано было скотчем.

— Был... было... Вскрыли зачем? — Игорь бросил неприязненный взгляд на объемную фигуру участкового.

— Что вскрыл? — задал тот встречный вопрос, глядя на него исподлобья.

«Тупит. Или... время тянет? Сверточек размотал не без цели? Если так, то не факт, что в пленке находился лишь документ. А что еще?» — Игорь оглянулся в поисках остатков упаковки.

— Где пленка, скотч? Мне вам, Куценко, напомнить, что до приезда опергруппы ничего на месте преступления трогать нельзя? — не удержался он от «наезда», до того неприятен был ему этот загорелый, плотный мужик.

Единственная жалоба в райотдел на участкового Куценко Остапа Петровича за время службы того (год

с небольшим) поступила буквально вчера. Калашин узнал об этом от следователя райотдела, который и передал ему заявление по факсу. Документ был составлен грамотно, но эмоционально, и Калашин между строк уловил неподдельный страх. А прочтя фамилию в конце текста, тут же поднял анкетные данные женщины и понял — нет, не кляуза. В двадцать шесть лет, будучи матерью пятилетнего ребенка, имея кандидатскую степень по биологии, паниковать без оснований не станешь. Задело же Августину Самуиловну Бенц грубое обращение участкового с ней и сыном во время визита к ним в квартиру. Если коротко — бесцеремонное вторжение Куценко без повода и хамски наглое «А что, нельзя?» заставили ее насторожиться. А при напоминании, что осматривать частную собственность тот может только с санкции прокурора, Куценко лишь «отодвинул» женщину в сторону «огромной ручищей» (вот они, эмоции) и «продолжил продвигаться» в глубь квартиры. По пути зачем-то постучав по кирпичам старинной печки, «один бок которой выступает в просторный холл», заглянув на антресоли («складная лестница стоит тут же в нише») и кладовку. Игравший на полу детской ребенок был «грубым движением ноги в ботинке задвинут в угол», а ее, Августины Самуиловны, возмущенный возглас прерван насмешливым: «Успокойся, мамаша, ничего с ним не случится! Пацан же!» Перепуганного сына она взяла на руки и «решительно указала» хаму на дверь.

Только через некоторое время, успокоившись, Августина Самуиловна вспомнила, что удостоверение толком не рассматривала, фамилию запомнила, но в отделение полиции, как советуют сами же «органы» при возникших сомнениях, не позвонила. Получается, впустила чужого мужчину к себе в квартиру добровольно.

Позже выяснив, что визитер в действительности местный участковый, испугалась, что тот вернется еще не раз (на законных-то основаниях), и написала жалобу.

Как-то так. Очень подробно.

Калашин улыбнулся бы, если б не одно обстоятельство — пятикомнатная квартира в особняке постройки девятнадцатого века, принадлежавшая еще отцу Августины Самуилу Бенцу, ювелиру, на рынке недвижимости оценивалась неприлично высоко. Одинокая женщина с малолетним сыном для «черных» риелторов препятствие вполне устранимое, участковый мог быть в деле. Калашин, собственно, и заинтересовался действиями участкового потому, что в соседнем районе за последние полгода пропали бесследно несколько владельцев дорогих квартир.

Он вчера решил, что зайдет к женщине после службы, все равно дома никто не ждал. Временная (как считал он) подруга Светлана, обладательница пронзительно тонкого голоса и веселых светлых куделек, отбыла в Анапу в свой законный отпуск от службы в банке, не на шутку обидевшись на него, отказавшего ей в сопровождении. Это случилось пять дней назад, до сих пор ни одного звонка от нее не поступило. Калашин был этим обстоятельством крайне доволен. Ему казалось, что отношения с женщиной слишком уж затянулись, настала пора как-то расставаться, ладно бы что-то связывало их, кроме торопливого секса перед сном. Но сама Светлана уходить от него не собиралась, более того, в последнее время часто поднимала вопрос о сдаче ее собственной квартиры внаем, мотивируя тем, что зарабатывают оба мало, и «семейному» бюджету лишние рубли не помешают. Этому Калашин решительно противился, не боясь резких слов и повышая голос. Но подруга упорно

вела его к идее совместного проживания, применяя то силу слез, то навязчивую ласку.

Теперь же, после затянувшегося молчания, Игорь очень надеялся, что разойдутся они мирно, безболезненно для обеих сторон и останутся друзьями.

Ох, как не любил он громкие разборки! Со времен своего развода с женой ненавидел! Так тяжело ему далось расставание с любимой целую жизнь женщиной, так мучительно-больно становилось от воспоминаний о ней до сих пор... Это была какая-то другая жизнь, возможно в другой параллели, где они встретились случайно, тут же поняв, что нашлись половинки целого, он и она, в мгновение прилепились друг к другу намертво, не оторвать. Долгие шесть лет блаженного неведения... А потом произошло убийство. Она, любимая, родная до дрожащей слезинки в уголке глаз, нежная и страстная, понимающая с полувзгляда, убила его своей ложью. Тем, что случилось при нем, но в другой параллели, сколько еще этих параллельных жизней существует, так их! Кто там в математике доказал, что не пересекаются они? У него, Калашина, пересеклись, перепутались в паутину лицемерия и откровенной лжи...

Вчера он не застал Августину Бенц дома. Стоял перед дубовой двустворчатой дверью долго, названивая в старинный звонок. Догадавшись, наконец, достать листок с жалобой из папки, заглянуть в конец текста, где значился номер мобильного телефона, Калашин набрал цифры на своем. Мелодия была слышна четко, но дверь так никто и не открыл. Тогда Калашин решил, что дамочка просто забыла мобильник в прихожей, а сама ушла, например, погулять с ребенком.

Уже спустившись на пару ступенек, вдруг остановился. Чертова память, не выдавшая ему никаких ассо-

циаций с фамилией Бенц, зацепилась за номер квартиры, выбитый на медной фигурной пластинке. «Шесть»! Две тысячи шестой год, маленькая девочка с застывшим в горе лицом возле постели мертвого отца Самуила Бенца. Девочка назвалась Августиной! Его, следователя Калашина, первое дело, провальное с самого начала. Естественная смерть больного, в которую он не хотел верить, пытаясь найти спровоцировавшие ее причины. Он раздражал начальство своими домыслами, добивался разговора с девочкой, пусть в присутствии психолога. Все было напрасно.

Калашин позорно забыл ее, Августину, уже на следующей неделе с головой погрязнув в собственном горе — так он расценивал свой развод. Казалось важным лишь это, что там смерть какого-то ювелира и оставшаяся сирота! Когда же закончились все суды и разборки с бывшей женой, он подал рапорт об увольнении. Но ему отказали, направив на службу в другой город.

Вернулся лишь через десять лет. Быстро продав старую родительскую квартиру, отдал половину денег сестре, на остальные приобрел жилье в новостройке. В этой параллели после две тысячи шестого года были лишь работа и случайные женщины. Работа стала смыслом жизни, порой не оставляя времени на личные отношения. «Ты себя убиваешь на службе! Когда же ты, наконец, забудешь прошлое?» — вопрошала Ольга, глядя на него, старшего брата, с материнской жалостью. Ответа у него не было...

Сейчас, ожидая от Куценко оправданий, Калашин вдруг связал воедино давнюю смерть ювелира и нынешнюю жалобу его дочери на участкового...

— Я все выбросил в мусорное ведро! — выдернул его из размышлений низкий голос.

— Пройдемте, — Калашин кивком головы указал на кухонную дверь.

— Мне в мусоре копать? — зло бросил тот, подчиняясь.

Куценко открыл дверцу шкафчика под мойкой, вытянул из ведра пластиковый черный пакет и двумя пальцами достал разорванную упаковку.

Даже без экспертизы было ясно, что кроме документа в свертке находилось еще что-то, имеющее объем. Калашину стало противно. «Падалыщик! Мародер!» — мелькнула брезгливая мысль.

— Пишите объяснительную, Куценко. Подробно. И не забудьте указать, что конкретно вы изъяли из свертка и где этот предмет сейчас находится.

Глава 2

Алла смотрела на мужа и не узнавала его. Сколько эмоций! За почти двадцать лет брака выражение лица Иосифа Биргера, звездочета и великого (по мнению многих) предсказателя-астролога, становилось живым, взгляд — сконцентрированным и осмысленным считанное количество раз. Впервые это случилось в тот день, когда студентка третьего курса физмата Аллочка Бенц после лекции, дождавшись, пока опустеет аудитория, объявила влюбленному в нее преподавателю математики, что завтра, нет — сегодня они идут подавать заявление в загс. Ося, как ласково называла она его в минуты близости, посмотрев на нее пристально, вдруг широко улыбнулся, затем приподнял над полом, что при его росте и тогдашнем весе (тщедушен был, да...) стои-

ло ему немалых усилий, и закружил. Остановившись и отдышавшись, он не спешил отпускать ее. Они чуть было не упали вместе на затоптанный студенческими башмаками пол аудитории, но Алла успела ухватиться за край кафедры и удержать равновесие их нестойкой парной композиции.

Всю последующую часть суток Аллочка с изумлением и некоторым испугом наблюдала за будущим мужем, уже сомневаясь в правильности выбора. Ося был суетлив и нервно подвижен, не мог усидеть на одном месте более пяти минут, вскакивал, выкрикивая при этом непонятные слова. К вечеру, когда пришла пора укладываться в постель, немного успокоился. «Ты не забудешь, что нельзя будет изменить дату свадьбы? Не забудешь?» — спрашивал он, приподнимаясь на локте и пытливо заглядывая в глаза. «Нет, Ося!» — в который раз отвечала она с раздражением, не понимая, почему ему так важна эта дата — седьмое декабря.

Именно тогда она узнала, что Иосиф Биргер тайно ото всех изучает астрологию и практикуется в предсказаниях, составляя гороскопы. Высчитав заранее дату начала безупречной семейной жизни, он собирался сделать Аллочке предложение в ближайшее время, но она его опередила, определив тем самым лидирующую позицию в их будущем союзе. Успокоившись — не все так страшно с неожиданными эмоциями, Алла наутро кормила завтраком уже прежнего привычного Осю, погруженного в свои мысли. Ох, как любила она это его состояние оторванности от мира, загадочное, спокойно — отрешенное. Он становился беззащитно трогательным, Аллочка чувствовала себя причастной к его гениальным (не меньше!) мыслям, даже не пытаясь вернуть мужа к реальной жизни и бытовым проблемам.

Отвалившаяся кафельная плитка в ванной комнате, по капле (вместо нормальной струи) выдающий воду кран, пустые полки холодильника были ее заботой. Точнее, брата Самуила, который, как она считала, чувствовал что-то вроде угрызений совести — познакомил Иосифа с ней именно он, без всякой цели, при случайной встрече у входа в университет, куда она, Аллочка, решила поступать по окончании школы.

Еще один день запомнился ей тем, что Иосиф... плакал. Уже совсем невыносимое состояние, невиданное Аллочкой, да и его родителями, как выяснилось, тоже. Втроем переглядываясь, они бросали тревожные взгляды на взрослого мужчину, рыдавшего как ребенок.

Они не так давно проводили всех, кто пришел помянуть родного брата Аллочки Самуила. Иосиф, выпив рюмку водки, третью по счету (запредельное для него количество), вдруг зарыдал в голос. Сама Алла, конечно, была расстроена, но и озабочена — они только что обсуждали, что делать с осиротевшей племянницей Августиной, той исполнилось лишь тринадцать.

Самуил никаких распоряжений и пожеланий не оставил, как и завещания на все немалое имущество и огромную квартиру. Алла справедливо страшилась брать на себя ответственность за ребенка — своих детей никогда не было, как и осознанного желания их завести. Авгуша хотя и была девочкой спокойной, воспитанной и здоровой физически, обладала одним качеством, отличавшим ее от сверстников: она была так же далека от брэнного мира, как и Аллочкин муж. Ее мирком были книги, в основном по биологии, естествознанию и химии, что для ребенка ее возраста казалось странным. Если бы не одно обстоятельство, Алла могла бы подумать, что отцом ребенка является ее муж, а не

брат, до того похожи характерами и повадками они были — Августина и Ося. Но муж был безнадежен как родитель — справку об этом факте он ей представил.

Спросить, о чем тот так надрывно рыдает, решила свекровь. Взглядом удалив своего мужа и ее, Аллочку, из столовой, она плотно закрыла за ними дверь. О чем они говорили, Аллочке неизвестно до сих пор, мир праху Зинаиды Львовны. Но когда та после беседы с сыном вышла из комнаты, глаза ее были мокрыми от слез. Засуетившийся свекор подхватил жену под локоть и осторожно довел до спальни, где уложил на кровать. Алла же поспешила к мужу. Застав его совершенно спокойным, она все же попыталась задать вопрос о причинах, что так расстроили ее любимого. Поймав лишь пустой его взгляд, поняла — ответа ждать не стоит.

Все тревоги забылись, опеку над девочкой она оформила, переехали они с Осей жить в их с Самуилом родительскую квартиру, чтобы не лишать Августину привычной обстановки. Но нет-нет, да и вспоминался тот горестный день и рыдания мужа.

Родители его тогда улетели домой в Израиль, заручившись обещанием сына начать-таки готовить документы для переезда к ним. Они так и не поняли, что Иосиф панически боялся перелетов и никогда не помышлял о смене места жительства...

Сейчас же Иосиф злился. Алла, изрядно за неполные тридцать лет устав от его капризов (эйфория все-таки прошла вместе с безумной любовью), ждала, когда он успокоится сам. Она молча налила воды в кружку, поставила ее перед ним на стол и отошла к окну. С третьего этажа было плохо видно, что происходило во дворе, зрение уже не было таким острым, но разглядеть полицейскую машину и суетящихся вокруг дома напротив жильцов смогла.

— Не знаешь, что там случилось? — Она повернулась к Иосифу, который даже не притронулся к кружке.

— Человека убили! — Резкость ответа удивила, но Алла ничем не выдала этого.

— Знаешь его? Кто-то из знакомых? — все же насторожилась она.

В доме напротив жили восемь семей. Здание было таким же старым, как и их дом, постройки позапрошлого века. Не удивительно, что жители знали друг друга в лицо. Но близко чета Биргер общалась лишь с бывшей одноклассницей Аллочки Ириной Варениной и ее мужем.

— Нет, — вновь раздраженно ответил муж, поднимаясь. — Я устал, пойду прилягу.

Она задумчиво смотрела в спину удаляющемуся мужу. На следующий год ему исполнится шестьдесят. Он давно не преподает, обеспечивая их семью средствами, заработанными составлением гороскопов и натальных карт. К нему записываются на прием за месяц, среди клиентов много влиятельных лиц города, крупных бизнесменов и... врачей. Он дает точные прогнозы на события, предупреждая об опасностях и помогая при подписании договоров. Сложные операции, проведенные хирургами в дни, рассчитанные им, безупречны, заключенные в названные им даты браки практически идеальны. Алла по-прежнему считает Иосифа уникальным астрологом и даже немного магом. Но муж стареет, а характер его год от года становится все более невыносимым. В конце концов, и ее, Аллы, терпение не безгранично.

«Что могло произойти такого, чтобы Иосиф так разозлился?» — думала она, возвращаясь на прежнюю позицию к окну. Почему связала два факта — убийство в соседнем доме и настроение мужа, она объяснить себе в тот момент не смогла.

Глава 3

Августина открыла глаза. Так и есть, белый потолок, тусклая лампа за матовым абажуром, пожарные датчики, соединенные проводами. А она решила — приснилось...

Августина подумала, что даже не знает, как это — лечиться в стационаре. Не было в ее жизни такого факта, не болела она ничем серьезным, может быть только простудой в детстве. В том детстве, где был еще жив отец. «С тетушкой болеть было бы рискованно», — невольно улыбнулась она, вспомнив Аллочку, безумно любившую своего мужа, главной своей заботой считавшую его и только его. «Хотя как раз дядя Иосиф, как мне тогда казалось, меня баловал, — призналась себе Августина. — По крайней мере отказа я ни в чем не знала».

Голову от подушки оторвать не удалось, Августина только и смогла что облизать сухие губы и пошевелить пальцами правой руки. Тут же резкой болью отозвалось запястье. Она скосила глаза и заметила трубочку, которая тянулась к флакону на штативе. Вдруг вспомнив все, что с ней произошло, Августина заплакала от бессилия и страха.

— Так-так, спокойненько лежите, девушка. — Женский голос звучал тревожно. — Плакать не нужно, все позади, теперь многое зависит от вашего настроения.

— Где мой сын? Миша?

— Мальчик в ординаторской, рисует. Такой смысленный пацанчик — быстро сообразил взрослых позвать на помощь! Он, правда, все время повторяет про какого-то мужчину... У вас красная щека, гематома — вас ударили?

— Я хотела бы уйти домой, если нет ничего серьезного, — не ответила на вопрос медсестры Августина.

— Об этом нужно говорить с доктором Ледневым. Павел Андреевич зайдет к вам позже.

— Павел Леднев...

— Вы знаете его? — В голосе женщины прозвучало любопытство.

— Да, немного, — тихо ответила Августина и прикрыла веки: болтливая тетка не вызывала желания откровенничать.

Павел Леднев был когда-то ее одноклассником, она действительно помнила его плохо — внешне неказистый, со слабо развитой мускулатурой, жидкой порослью над верхней губой, он выделялся лишь умом и упрямством. Авторитетом среди парней не пользовался, но и гнобить себя не позволял. Девчонки же лишь косо посматривали в его сторону, когда он четко и аргументированно доказывал свою правоту учителям. Спорить Паша любил, отстаивая свою точку зрения до победного, иногда прекращая дискуссию на уроке в один день, но продолжая на следующий. Почему-то учителя в спор с ним ввязывались охотно и как с равным. Да и «баттлы» эти забавляли всех, некоторых даже радовали — гарантированно в тот день опроса по теме не было, лишних неудов в журнале тоже. Августина же, погруженная в свои мысли, за диалогом спорщиков не следила.

«Блаженная» — называли ее отец, тетушка, одноклассница Лика и соседка Лилия Модестовна Ульянова, близкая подруга отца, драматическая актриса местного театра. Именно последняя настояла на том, чтобы отец отвел ее к детскому психологу. Августина послушно отбыла в кабинете доктора положенные на ее излечение часы. Чуда не случилось, она осталась прежней.

Августина ни на кого не обижалась, тем более никаких гонений из-за частого своего загадочного состояния не испытывала ни со стороны взрослых, ни со стороны

ровесников. Лика, правда, иногда злилась всерьез, если Августина в середине ее рассказа отключалась и, глядя куда-то поверх ее головы, замирала в неподвижности. Щелкнув пару раз пальцами у нее перед носом, так и не добившись внимания, Лика, покрутив пальцем у виска и произнеся привычное «блаженная», обиженно замолкала. Августина, наблюдая за ее пассажами, улыбалась успокаивающе, но думала в тот момент о своем. Она знала, что мягкий характер подруги не даст той долго злиться, Лика отходчива и добра. А то, о чем она, Августина, думает, много важнее ее болтовни.

Но однажды все же Августина выслушала ее до конца. Удивление, испытанное ею при первых словах Лики, заставило ее сосредоточиться. Она молчала, изредка покачивая головой, словно не соглашаясь. Кто?! Павел Леднев? И она, Лика? Красавица, за которой бегают все старшекласники?

«Я люблю его давно, Авгуша. Наверное, с детского сада. Ты помнишь, у него был такой смешной помпон на шапке? Полосатый? Сама шапка серая, а он разноцветный. Ниток, что ли, не хватило серых?» — Лика мечтательно улынулась, а на глаза Августины навернулись слезы. Наверное впервые за свою жизнь она поняла, как слепа и глуха в своем эгоизме... Тогда она молча слушала Лику, стараясь не пропустить ни слова. «И вы встречаетесь?» — спросила она после того, как та замолчала.

— Нет, — ответ прозвучал довольно резко.

— Почему?

— Он любит другую. — Лика отвернулась.

— И кто она? — удивление Августины было искренним — как можно не любить Анжелику?

— Не так важно. Давай сменим тему. Все еще на биохим поступать собираешься?

— Да, — машинально ответила Августина и подумала, что в последнее время и тетушка, и ее муж Иосиф часто задают ей тот же вопрос. Надеются, что передумает?

Да, она шла туда за выпускником их школы Львом Дашевским. Он учился на втором курсе. Детская ее любовь никак не проходила, Августина мучилась сознанием, что уже два года видит Дашевского так редко, ей не хватало его мимолетных взглядов, небрежного кивка в ее сторону — да и в ее ли? Рядом всегда была красавица Лика. Теперь в школу Левушка навещался нечасто. Держа в опущенной руке букет, сразу же проходил в кабинет химии. Августина ревновала страшно — химичке было чуть за тридцать, красотой Ленок (ничуть не Елена Васильевна) не уступала юной Анжелике, а опытом в любви, как все знали, обладала немалым — два развода за десять лет! На Августину же Дашевский не обращал никакого внимания, здороваясь дружески с Ликой и все так же небрежно кивая ей, подруге первой красавицы школы...

По окончании школы Лика неожиданно вышла замуж за сына друзей их семьи и отбыла на жительство в Москву. Там у мужа были стабильный бизнес, квартира и бабушка по материнской линии.

Расставались с Ликой трудно. «Пропадешь без меня, дурочка! Прости!» — заливалась слезами подруга, и Августина понимала, что та права. Имея приемными родителями Аллочку и ее мужа, самых не приспособленных к внешней среде взрослых людей из всех, кого знала, надеяться на помощь, если что вдруг случится, не стоило.

Оно, это «вдруг», случилось не скоро. И сейчас, после стольких лет, оно же стало причиной того, что Августина лежит на койке в больничной палате, время от времени вскрикивая от резкой боли в висках.

Глава 4

Алла подумала, что теперь, когда она полностью устранилась от дел мужа (в офисе запись на прием вела помощница), удовлетворять свою единственную страсть — страсть к путешествиям она сможет в любое время. И давно она никуда не ездила, аж с начала лета. Плюс настроение мужа ей в тягость, пусть сам в одиночку с ним справляется, а она тотчас же позвонит своей давней приятельнице в турагентство. «Осень хороша в Провансе», — подумалось ей.

Она по пальцам могла пересчитать совместные с мужем поездки. Возвращалась из них больной — Ося в отрыве от дома становился невыносимо капризным. Алле вместо отдыха приходилось постоянно гасить конфликты, так как Иосиф раздражался часто, высказывал свое недовольство громко, заставляя ее краснеть. Сама обладая характером легким, Алла понять его не могла, но угодить пыталась — для своего же спокойствия. Она каждый раз говорила себе, что муж не создан для длительных передвижений, а потому больше они никуда не поедут. Но манили дальние страны, морские пляжи и улицы европейских столиц, да мало ли что еще! И она вновь заводила разговор о путешествии, надеясь, что муж отпустит ее одну. Чуда не случалось, она паковала в чемоданы и его вещи. А так как Иосиф панически боялся летать, они традиционно поездом отправлялись к Черному морю.

Счастье пришло неожиданно — однажды Иосиф вдруг согласился остаться дома. Алла, едва поверив в удачу, спешно собрала дорожный саквояж...

Алла пролистала список в мобильном и нашла нужный номер. Приятельница попросила зайти утром, отго-

ворившись уже назначенным свиданием с новым мужчиной (так она называла всех представителей мужского племени до тех пор, пока тот не становился ей законным мужем, или отсеивался как негодный для этого действия).

Немного подсадовав, что выбор маршрута (а это она любила не меньше самого вояжа) откладывается, Алла присела за стол и открыла ноутбук. Время за просмотром фильма пролетело незаметно, она вспомнила об ужине, поставила на плиту сковороду, положила кусок масла и, убавив огонь до минимума, направилась проведать мужа. Тот из кабинета еще не выходил, но точно уже проснулся — она слышала покашливание из-за двери.

— Ося, у тебя все в порядке? — спросила она, приоткрыв одну створку.

— Да, Аллочка, — ответил тот обычным тоном, и Алла успокоилась — злой порыв несколькими часами ранее был случайным, никакого особенного повода искать не стоило. «Но я все чаще раздражаюсь из-за его капризов и смены настроения. Отдых от него — правильное решение», — пришла она к окончательному выводу.

— Через пятнадцать-двадцать минут будет готов ужин, я жду тебя на кухне. — Не дожидаясь ответа, она закрыла дверь.

Алла выглядывала из окна на освещенную фонарем автомобильную стоянку — ждала, когда вернутся из клиники Варенины — оба были хирургами. С Ириной они дружили с первого класса, мужа ее она знала со дня их свадьбы. Причина столь нетерпеливого ожидания была одна — хотелось знать, кого же убили в доме напротив.

Как ни странно, бабушки в их дворе по скамеечкам не кучковались, мамочки с детьми шли гулять в сквер (все-го-то через три дома), таким образом, источников дворовой информации не имелось. Алла надеялась лишь

на то, что с Ириной сведениями о преступлении поделится кто-нибудь по-соседски.

Белый «Мерседес» Варениных въехал во двор уже после того, как они с Иосифом поужинали и тот после короткого «спасибо» вновь удалился к себе в кабинет. «Скучно живешь, Аллочка», — грустно подумала она, моя посуда: за ужином Ося не произнес ни слова, пребывая в своих астрономических грезах и, словно не чувствуя вкуса приготовленной женой пасты с морепродуктами.

Да, она лишь теперь по-настоящему начала жалеть о том, что растворилась в нем, казавшимся тогда гениальным и неординарным. Брат, хотя и редко, упрекал ее в таком самоотречении. «Ты зачем училась пять лет в университете, Алла! Чтобы подносить этому чудаку еду к носу, когда он забывает поесть?» — спрашивал он. «Гений должен быть свободен от быта!» — отвечала она с улыбкой — тогда это утверждение казалось ей правильным. Самуил лишь осуждающе качал головой.

Только однажды он вспылил не на шутку. Это случилось незадолго до дня его смерти. Ссора между мужем и братом возникла вдруг, кажется, ничего не предвещало ее начала — они мирно обедали в столовой их квартиры. Алла на несколько минут вышла на кухню за супницей, а когда вернулась, оба стояли возле своих стульев, сверля друг друга злобными взглядами. «Я сказал — нет! И даже после моей смерти ты не посмеешь...» — Самуил замолчал при ее появлении, она же бросила вопросительный взгляд на мужа, но тот уже спокойно усаживался за стол.

Конечно, она пыталась расспрашивать об инциденте и того, и другого. Но оба отговорились практически по-детски. Брат посоветовал «не делать из мухи слона», а Ося просто отрешенно улыбнулся.

«А я, похоже, совсем не знаю своего мужа! Истерика в день смерти Самуила, та обеденная ссора, сегодняшней всплеск злости... этому всему должно быть объяснение!» — вдруг подумала Алла, бросая взгляд на часы на стене: она решила, что правильно будет позвонить Ирине не ранее, чем через полчаса.

Тут же она вспомнила недавний разговор с Ириной, в ходе которого они даже слегка повздорили. Та встретила в магазине Августина, чем-то явно расстроенную. В ответ на расспросы Ирины отговорившись, что все у нее в порядке, племянница поспешила к кассе. Алла тогда лишь пожалала плечами — взрослая женщина, мало ли что могло ее вывести из равновесия — что-то с ребенком, например. «И тебе все равно?! И совсем-совсем не интересно, что происходит в жизни твоей воспитанницы?!» — возмутилась подруга. «Она давно уже не опекаемый мной ребенок!» — отрезала Алла, заканчивая разговор на эту тему.

На самом деле судьба племянницы не была ей безразлична. Но считая, что отношения между ними испортились не по ее, Аллы, вине, первой никогда Августине не звонила. Нужна помощь — пусть обращается, она, тетюшка, ей не откажет. На крайний случай может обратиться к мужу.

Кстати Иосиф, более чем равнодушный ко всем без исключения детям от нуля лет и до совершеннолетнего возраста, к Августине, пока та не забеременела, относился со вниманием. После же рождения Миши он потерял к ее судьбе всякий интерес, щедро откупаясь деньгами. Впрочем, она, Алла, полноценной бабушкой ребенку стать тоже не сумела. Именно тогда поссорившись с племянницей (та никак не хотела назвать имя отца мальчика), Алла в первый год жизни Миши навещала ее раз в месяц, передавая от мужа конверт с купюрами.

Августина, видимо чувствуя себя виноватой, всегда приглашала выпить кофе, но Алла, едва взглянув на ребенка, уходила. Так что, настоящей близости между ними нет до сих пор, что вполне устраивает обеих. Да и в помощи Августина, как показало время, не нуждается. И все же Алла иногда признавалась сама себе, что переживает за дочь любимого брата...

— Аллочка, извини, что днем вспылел. — Муж подошел тихо и обнял за плечи.

— Ничего, я привыкла. Хотя, признаюсь, несколько устала от твоих взбрыков, уж прости за откровенность, Ося.

— Мне нелегко работать с людьми, я устаю. Ты должна меня понять!

— Не бери всех подряд. Я давно тебе говорила, пора перестать принимать каждого первого. Работай с теми, от кого не можешь отказаться. А остальных отправляй к своей Дане. Сам утверждал, что она с гороскопами справляется не хуже тебя. Разгрузишь свою очередь и девочке дашь заработать.

— Я подумаю. Что ты все на часы посматриваешь?

— Хочу позвонить Ирише, узнать, что же произошло у них в доме.

— Я же тебе сказал, что убили человека!

— Ты не знаешь, кого! В какой квартире он жил?

— В той, что сдавалась внаем. По крайней мере, мне так сказали. Какой-то незнакомец, так что выяснять подробности смысла нет.

— Я сама решу, есть ли в этом смысл. — Алла нажала на мобильном вызов Ирине. — Привет, Ириша! Ну да, по этому поводу. Вот как! А давно снимала? Понятно. А кто же убитый? Как ты сказала?! Прости, Ириша, я перезвоню...

Алла отключилась и с укором посмотрела на мужа.
— Ты знал? — спросила она, сразу же прочтя ответ на его бледной физиономии.

Глава 5

Павел вышел из операционной, снял маску, перчатки, халат. Он провел краниотомию молодой женщине, попавшей в аварию. Выматывающая физически и морально операция, длившаяся почти четыре часа. А он улыбается. Со стороны, наверное, выглядит странно, но никто не знает причины... а сегодня сбылось, о чем мечталось!

Павел любил ее всегда. Сумасшедшая страсть к блаженной, как ее называли одноклассники, Августине не прошла с годами, а трансформировалась в болезненное чувство ожидания чуда.

Он знал, что Августина влюблена в Дашевского, но был уверен — никто, а тем более он, Павел Леднев, не сможет убедить ее в том, что тот подлец. Да, он хотел, чтобы Августина сама поняла это. Зная, какой та получит удар (ни на миг не сомневался, что так и будет!), Павел издали наблюдал за ней, не навязываясь даже в друзья. В чем он был точно уверен, так это в том, что Дашевский никогда не будет рядом с Августиной. Этот бабник даже не смотрел в ее сторону, разве что иногда, здороваясь с ее подругой Ликой Деминой, мимолетно задевал взглядом.

А как Павла раздражала Лика! Она мешала ему, пытаясь оттянуть его внимание на себя. Конечно, льстило, что такая красotka в него влюблена. Трезво оценивая свои внешние данные (не урод, но и ничего примечательного), он даже где-то оправдывал Лику, считая ее

неглупой — она-то разобралась уже, в чем ценность настоящего мужчины. Да, он считал, что обладает незаурядным умом, эрудицией, волей. И это намного важнее смазливой физиономии и накачанных мышц.

Августина пребывала в своем мире, Павел же готовился к решительному разговору с ней — они сдали последний экзамен, в субботу выпускной, а потом он уедет в Москву — куда поступать после школы он решил давно. Он готов был ждать, зная, что предложить ей может себя лишь состоявшимся специалистом.

Поговорить не удалось — станцевав с ним вальс, Августина с выпускного бала тихо улинула. Он злился, упрекая Лику, что та специально отравила его за лимонадом, чтобы дать возможность подруге незаметно сбежать. Лика плакала, оправдываясь, что-то говорила о любви к нему, он ее не слушал. До отъезда поезда, которым должен был ехать в столицу, оставалось несколько часов.

Павел не рискнул подняться к Августине на этаж и позвонить в дверь — все окна ее квартиры были темными. Простояв перед домом полчаса, медленно побрел домой собирать вещи.

Нет, он не забыл ее. И по-прежнему был уверен, что этот год мало что изменит в судьбе Августины. А после летней сессии он приедет в родной город. Вот тогда...

Однажды обедая в кафе, он увидел за дальним столиком Анжелику. Единственное, что сподвигло подойти к ней, было желание узнать хоть что-то об Августине. Позже, лежа с Ликой в постели, он думал о том, что та вновь стала причиной его страданий. Лика сообщила, что Дашевский и Августина вместе. Он был раздавлен, почти не осознавал, что делает, когда вдруг схватил Лику за руку и потащил к себе в съемную квартиру. Овладев ею грубо, с бешеным напором, заставив ее

кричать и плакать, он излил на нее всю страсть, что копил для Августины, представляя их первую ночь. Опомнившись, просил прощения, оправдываясь и испытывая искреннее чувство вины...

Это он сейчас знает, что Лика его обманула — тогда «вместе» Августина и Лев учились в университете, и только!

«Я помогу тебе забыть ее, не прогоняй», — просила она, а Павел молчал. Лишь посмотрев на нее внимательно (впервые за вечер!), он заметил синяки под лопатками, на шее и руках. «Это — муж. Ты помнишь, я на выпускном тебе говорила, что выйду за первого, кто позовет... помнишь?! — спросила Лика, но он этого не помнил! — Вот и твоя блаженная Августина меня не услышала... я и ей сказала! Думала, она меня отговорит! Но — нет... вам обоим на меня было наплевать!» — неожиданно зло произнесла она, уже одеваясь.

Он все вдруг понял разом — они с Ликой словно близнецы были одинаково больны. Она — им, а он — Августиной. И болезнь их не поддавалась пассивному лечению. Только хирургии! «Оставайся», — произнес твердо, приняв решение — выкинуть из головы свою первую любовь...

— Павел Андреевич, о вас пациентка эта новенькая все время спрашивает — Августина Бенц. Вы хотели осмотреть ее, не забыли?

— Нет, Валентина Семеновна, скоро буду. Как мальчик?

— Поспал, к маме рвется.

— Пока не пускайте. Займите чем-нибудь. В столе у меня пачка новых фломастеров, достаньте, пусть рисует, что ли...

То, что он так и не смог забыть Августину, выяснилось очень скоро. Так получилось, что пришлось пере-

вестись на учебу в родной город. Он будто и не уезжал — об этом думал, когда стоял у подъезда, поджидая ее. Было сумрачно, фонарь тускло освещал небольшой кружок асфальта, рассеивая остатки лучей по верхушкам кустов и тротуару. Он даже не сразу ее узнал — Августина изменила прическу. Но чья рука обнимает ее плечо, понял мгновенно. «Я убью тебя, Дашевский», — решил он тогда, прячась за припаркованной машиной...

Павел натянул чистый халат и бросил взгляд в зеркало над умывальником. Да, по-прежнему не красавец, да и изменился совсем чуть. Но теперь он не школьник Пашка, а состоявшийся, успешный нейрохирург Павел Андреевич Леднев.

Глава 6

Калашин положил на стол листок с написанным на нем объяснением Куценко, швырнул поверх шариковую ручку, что вращал двумя пальцами, и от души выругался. Хитрый участковый указал, особо подчеркнув, что упаковка свертка была нарушена до него. И ничего, кроме заграничного паспорта убитого, в распотрошенном неизвестным лицом свертке не было. Игорь понимал, что пальчики на скотче будут только Куценко и трупа, из чего делается заключение, что труп, то есть тогда еще живой Дашевский Лев Маркович, тысяча девятьсот девяносто первого года рождения, упаковочку вскрыл сам. А Куценко из лучших побуждений, дабы помочь установлению личности, лишь аккуратно извлек паспорт. Ну выбросил пленку со скотчем в мусорное ведро, это же не преступление? Да, халатность...

Опрос соседей ничего существенного не дал, почти никого в это время суток не было дома. Квартир восемь, лишь только в двух на первом этаже — пенсионеры. Как назло активные, дома отсиживаются редко. Семидесятилетний полковник в отставке преподает в местной школе, а совсем уж пожилая дама, бывшая солистка оперного театра, почти целый день проводит в храме — и в хоре поет, и за детишками в воскресной школе присматривает. «Что б мне так жить в старости!» — подумал Калашин, с завистью слушая доклад своего молодого сотрудника.

Кодовый замок на единственной входной двери дома открыть мог каждый желающий, до того бледно выглядели цифры на некоторых его кнопках. Подняться по деревянной лестнице на второй этаж бесшумно и быстро можно без проблем. Ну, а толстые стены старого особняка хранили звуки внутри квартир, не давая шанса соседям их расслышать. По крайней мере парень-студент, живущий по соседству, не слышал ничего. То есть вообще никакого шума, шагов, разговоров и тем более стука падения тела.

Игорь посмотрел на часы — половина седьмого. «Можно и не к себе, а к Ольге», — подумал он, вспомнив свой пустой холодильник. Сестрица уже вернулась с работы, накормит горячим ужином и выдаст порцию городских новостей. Он всегда удивлялся, из каких таких источников она получает их, эти новости — в прессе они появлялись лишь на следующий день. Расспрашивать Ольгу было бесполезно. Загадочно улыбаясь, та обрушивала на него очередную информацию.

Но сев в машину, Калашин неожиданно вспомнил Августину Бенц. И обещание самому себе — навестить ту после службы. Это вдруг показалось более важным, чем сытный ужин у сестры.

И вновь ему никто не открыл. Надеясь не зная на что, он держал палец на кнопке звонка, пока не заметил женщину в брючном костюме цвета бирюзы и домашних тапочках, которая осторожно, держась за перила, спускалась к нему по лестнице.

— Вы кто? — задала она вопрос несколько испуганно, остановившись на верхней ступеньке лестничного пролета.

— Следственный комитет, майор Калашин, — тут же показал удостоверение Игорь. — Вы не в курсе, где ваша соседка Августина Самуиловна Бенц?

— Я не видела ее с утра. После завтрака, было это около десяти часов, ко мне зашла Августина и сообщила, что уходит на важную встречу. С кем, не знаю, но взволнована была чрезвычайно. И до сих пор ее нет! Я переживаю, девочка такая... не от мира сего!

— Что вы этим хотите сказать? Она больна?

— Нет, что вы! Несколько рассеянна и наивна. Вы здесь, а это означает, что с ней все-таки случилась беда? Августина жива? Ох, что же я говорю! — Женщина бросила испуганный взгляд на Калашина, а он насторожился.

— Мы не могли бы подняться к вам? — попросил он.

— Да, конечно.

Калашин изумленно замер на пороге — все стены прихожей сплошь покрывали театральные афиши.

— Ой, не обращайтесь внимания! Я — актриса, живу одна. Прежние обои пришли в негодность, вот и оклеила стены тем, чего в доме в избытке — старыми афишами. И место на антресолях освободила, и живенько получилось, — улыбнулась она. — Проходите в столовую, прямо по коридору вторая дверь. Располагайтесь, я заварю чай.

Калашин любил все старье. Ну вот буквально все! Мебель, ковры, скатерти, лампы с шелковыми абажу-

рами, книги вразнобой и непременно чтобы с потрепанными корешками — иначе что же это за книга, если ее никто не «зачитал». Не книга, так — макулатура...

Книжные полки в этой комнате были заставлены старыми изданиями. И рыжий абажур свисал на длинном витом проводе прямо из центра потолка, из скульптурной розетки. А под ним конечно же — круглый стол, покрытый тяжелой бархатной скатертью с бахромой.

Первой мыслью была — завтра, нет, уже сегодня здесь будет сниматься фильм о довоенных годах...

Он присмотрелся внимательно к книгам — да, две полки в стеллаже все же заняты современными любовными романами.

Он часто подшучивал над Ольгой — сестрица увлекалась женскими детективчиками, скупала в книжных магазинах новинки, а, прочтя раз, складировала в коробки и убирала на антресоль, чтобы летом вывезти в дачный дом и там перечитать. Каждый раз, задавая вопрос про очередную книжку: «Ну, как тебе?» — он надеялся услышать нелестную оценку чтиву, но Ольга с удовольствием говорила о запутанной интриге, которую придумала писательница, о ярко выписанных характерах героев, о том, что прочла детектив «на одном дыхании»... Заготовленная Игорем снисходительная улыбка как-то не получалась, он спешно переводил тему, а Ольга в свою очередь довольно ухмылялась. Изредка она давала сдержанную оценку «ничего так», и он с удовлетворением соглашался — что же ты ожидала?

«Когда я сам последний раз брал книгу в руки? — вдруг озаботился Калашин. — Еще летом, на даче. И читал-то как раз одно из Ольгиных приобретений. Ни автора не помню, ни названия... но было в детективе ровно пятьсот двадцать три страницы!»

— Забыла представиться — Ульянова Лилия Модестовна. — Он обернулся на голос — в дверях стояла хозяйка с тяжело нагруженным подносом в руках. Игорь тут же кинулся ей помочь.

— Вы давно знаете Августину, Лилия Модестовна? — задал Игорь вопрос, когда хозяйка, расставив чашки и тарелки с вареньем и булочками на низком столике, присела на край дивана. Сам он с удобством устроился в кресле.

— Да, Авгушу знаю почти что со дня ее рождения... Самуил, ее отец, в тот день уехал в роддом за Тасей и малышкой, мы с его сестрой Аллочкой ждали их, приготовив праздничный обед. Столовую украсили шарами и плакатами, в спальне собрали кроватку — до родов Тася не разрешала делать для ребенка ничего. Я тайком покупала распашонки и ползунки и складывала все детское приданое у себя.

Самуил выглядел ужасно! Молча отдал кулечек с девочкой сестре, а сам быстро скрылся в ванной комнате. Но я успела заметить, что он плакал. И сразу поняла, что Таси больше нет. Хотя роды прошли благополучно, кардиолог присутствовал в родовой — у моей подруги с детства было больное сердце. Что могло случиться на шестые сутки? Я до сих пор не знаю, почему она умерла. Ведь должны же быть какие-то причины? Физические или испытанный стресс? Самуил их знал, но до конца своих дней избегал этой темы. Мы с Аллой вскоре смирились с тем, что он нам ничего не расскажет. Дочь он любил безумной родительской любовью. Мне даже казалось, задаривая ее игрушками, он пытается загладить свою вину перед девочкой за смерть матери. То, что Самуил винил себя, сомнений не было.

Авгуша росла необычным ребенком. Игрушки пылились на полках, зато книги она читала одну за другой. Она все время пребывала в мире грез, иной раз вопрос, заданный многократно, оставался без ответа — девочка лишь улыбалась, думая о своем. С легкой руки самого Самуила ее стали называть «блаженной». Я первой забеспокоилась, настояла на визите к психологу. Толку не вышло ровно никакого, она после лечения осталась прежней. Уменьшая, хорошенькая, воспитанная и — молчаливая и отстраненная. После смерти Самуила Алла и Иосиф оформили над ней опеку. Хотя более неподходящих опекунов для ребенка найти было бы сложно.

— Почему же?

— Иосиф был таким же мечтателем как и Августина, Алла вся была в нем. Любовь, знаете ли, бывает и такая — полное самоотречение. Она заботилась о муже, едва ли замечая девочку. Но Биргеры — единственные ее родственники, других нет. Нет-нет, вы не подумайте — у Авгуши было всего достаточно, одевала ее Алла в хороших магазинах, покупала книги, которые та просила по первому требованию, питалась девочка правильно, наверное поэтому и была здорова. На моей памяти Августина болела только в детсадовском возрасте.

— Она сейчас живет одна?

— С сыном Мишей. Если вы о мужчине — нет у нее никого. Это — точно.

— А подруги? С кем она общается?

— Была в школе девочка. Анжелика Демина, одноклассница. Насколько мне известно, сейчас замужем и живет в Канаде. Она преданная подруга, очень поддерживала ее, когда умер Самуил. Единственная из класса пришла на похороны! Постойте же! Вот откуда мне

знакомо ваше лицо! Вы были в тот день в его квартире! Да-да, у меня фотографическая память на лица, я же не ошиблась?

— Не ошиблись, Лилия Модестовна. Хотя выглядел я тогда несколько моложе. К сожалению, такой хорошей памятью похвастаться не могу, вас совсем не помню, простите.

— Не страшно... Самуил долго молчал о своем смертельном диагнозе. Но могу утверждать наверняка — несколько месяцев врачи ему давали. Я до сих пор думаю, нет — уверена, что-то спровоцировало такой быстрый конец. Августина тогда смолчала, но в тот день у них был гость.

— Так почему вы о нем не рассказали полиции? Я тогда пытался добиться возбуждения дела!

— Я узнала об этом лишь сегодня! Авгуша намекнула, что идет на встречу с прошлым. Я поинтересовалась, о чем это она? «В день смерти папы у нас был гость. Сегодня наконец выясню, что тому было нужно! Папа умер, когда тот еще стоял у его постели. Вам, Лилия Модестовна, я все расскажу позже. Уже опаздываю, побежала...» Я ждала ее в обед, ну сколько может длиться встреча? Подходила к двери, звонила! Даже открыла дверь запасным ключом — мало ли? В квартире никого не было. Мобильный Августины уже днем был отключен. А тут вы!

— Не знаете, кто отец ее ребенка?

— Знаю лишь имя. И то из свидетельства о рождении Мишеньки. Михаил Львович он. Родился мальчик, когда я ненадолго выходила замуж. Случился такой грех, прости господи, — дала слабину! — Лилия Модестовна брезгливо поморщилась. — Переехала к мужу в Томск, в тамошнем театре служила. Вернулась в шест-

надцатом, а у Авгуши сын! Пытала ее, кто ж такой негодяй, что бросил ее с ребенком?! Не добились ничего, пошла к Аллочке. Та лишь руками развела — призналась ей Августина, что беременна, когда уже ни один наряд не мог скрыть интересного положения. С восемнадцати лет жила-то девочка одна в этой квартире, Биргеры вернулись к себе. Но об отце ребенка и тетке не было известно. Правда, Алла высказывала той свои подозрения... впрочем, Августина их не подтвердила, они даже поссорились. Алла ей помогала — Иосиф достаточно хорошо обеспечен, да и к племяннице всегда относился с теплотой. Нужды в средствах на ребенка у Августины не было. А тут и я вернулась, считайте — бабушка. Так вы мне скажете, что с девочкой? — пытливо посмотрела она на него. — Почему вы ее ищете?

— От нее поступила жалоба на вашего участкового. Вы в курсе?

— А, понятно. Да, я знаю, что этот неприятный тип по-хамски вел себя у нее в доме. Обидел Мишеньку. Августина, ясно, не смогла сразу выгнать нахала. Но испугавшись, что тот заявится снова, написала в полицию. Так вы из-за этой жалобы? Есть у меня подозрения, что все дело в ее квартире! Это по нашей вертикали трехкомнатные, да не очень большой площади. А напротив — хоромы, которые сейчас бешеных денег стоят! Вы обязательно с ней поговорите! Меня она не слушает... Ой, чувствую, случилась с ней беда!

— Давайте сейчас, Лилия Модестовна, еще раз спустимся на этаж, и, если Августина Самуиловна не вернулась, вы откроете дверь... У вас телефон где-то поет, Лилия Модестовна, не слышите?

Все-таки интуиция не подвела актрису — звонок был из больницы.

Глава 7

Она, видимо, проспала не один час после еще одного укола, на котором настояла медсестра. «Доктор назначил ставить каждые четыре часа. Вам все равно не разрешено вставать, вы слишком слабы», — сказала та, закрывая за собой дверь палаты. Через несколько минут женщина вернулась с наполненным шприцем. «Где сейчас Миша?» — спросила Августина. «Спит в кабинете Павла Андреевича. Накормили обедом, разморило парня. А ваш мобильный я поставила на зарядку в ординаторской. Вот отдохнете еще, принесу», — добавила она. «Спасибо. А Леднев? Приходил?» — Августина надеялась, что все же сможет уговорить его отпустить ее домой. «Павла Андреевича вызвали на срочную операцию. Отдыхайте. Он обязательно к вам зайдет!»

Августина приподняла голову с подушки. «Не кружится. Уже хорошо», — оптимистично подумала она, спуская ноги с кровати. Обуви не было, ноги в тонких носках коснулись холодного пола. «Сейчас придет Леднев, будет расспрашивать. И что я ему скажу? Наблюдательная медсестричка уже заметила след от оплеухи, наверняка и ему доложила. Врать бесполезно — мерзвец вложил в удар всю силу. Кольцо забрал, но вот уедет ли? Как обещал? Или как обычно обманет? Я устала... как же я устала!» — Она поняла, что сейчас заплачет от жалости к себе и Мишке. Но мысль о сыне придала сил, Августина, обнаружив-таки больничные тапочки, задвинутые глубоко под кровать, обулась и осторожно двинулась к выходу из палаты.

Дойти не успела, дверь распахнулась. На нее с уколом смотрел одноклассник Пашка Леднев, внешне ни-

чуть не повзрослевший худой очкарик, правда, с поредевшей шевелюрой.

— Сбежать решила? — Он усмехнулся, а Августина с удивлением заметила, какой растерянной была эта ухмылка.

— Паша то есть, Павел Андреевич, мне нужно домой. Отпусти...те! — Она не знала, как теперь обращаться к бывшему однокласснику.

— Обязательно. Только после того, как ты мне расскажешь в подробностях, кто тебя так нежно погладил по щеке, что ты потеряла сознание? И хватит «выкаты»!

— Нет, это ты мне скажи, что со мной — ты же меня... обследовал? — слегка растерялась от его напора Августина.

— Хорошо. Коротко — от удара у тебя гематома. Плюс подскочило давление, в результате — кратковременная потеря сознания. Твой сын вовремя позвал на помощь, «Скорая» приехала быстро.

— Ужас... Он видел, как меня ударили?

— Видел, Августина. Кто это был?

— Не важно. Так ты отпустишь меня? Все же хорошо!

— До утра и не думай. Вот твой телефон, позвони домашним. — Леднев вынул из кармана мобильный. — Нужен твой паспорт и полис, кто-нибудь может принести? Муж? Или это он тебя приложил?

— Нет у меня мужа! Могу позвонить соседке, у нее есть ключи от моей квартиры. И куда я дену Мишку, если останусь здесь на ночь? Впрочем, могу попросить Лилию Модестовну...

— Давай так. Ребенок поспит у меня в кабинете, я дежурю в ночь. Завтра с утра отвезу вас домой. Согласна?

— А у меня есть выбор? — Получилось громко и то-скливо.

Августина резко отвернулась от Леднева и покачнулась. Тут же крепкие руки подхватили ее, и уже через мгновение она лежала на кровати.

— Лежи спокойно. Зайду позже, сына приведу.

За Павлом закрылась дверь.

«Вот и сбылась мечта великовозрастной дурочки — за меня все решил мужчина. Правда, он всего лишь мой бывший одноклассник. Почти чужой человек, даже не друг. Не будь признания Лики в том, что она в него влюблена, не присмотрись я тогда к нему внимательнее, сейчас бы с трудом вспомнила, кто такой Павел Леднев».

Ей так не хватало подруги! Уехав в Москву, Анжелика первое время еще отвечала на ее звонки, но как-то вяло, отделяваясь общими фразами, что, мол, все отлично. Августина, пребывая в своей влюбленности в Дашевского, с которым сталкивалась в коридорах университета довольно часто (расписание его лекций знала наизусть, что уж тут...), принимала это «отлично» за чистую монету. И ни разу не задумалась — почему та не задает ей никаких вопросов. Только по окончании первого курса, сдав сессию и решив навестить подругу в Москве, Августина в ответ услышала незамаскированный отказ. Ее так поразил голос Лики, резкий, недобрый, с хрипотцой, что она молча прервала связь, машинально нажав на красную кнопку телефона. Первой мыслью была — ошиблась она номером, не Анжелики этот телефон, или ответил кто-то чужой.

Рядом в тот момент находилась тетушка Алла. Сидели они на кухне в ее квартире и только что обсуждали подарки, какие можно привезти совсем не бедствующей

подруге. С юмором перебирая варианты (вплоть до фигурок чертиков и ведьмочек, что та собирала с детства), остановились все же на серьезном — ручной работы шкатулке со скрытым тайничком, открывавшимся нажатием на боковую панельку. Эту шкатулку тетушка купила по случаю, как раз на подарок. «Найдется ей подходящий человек», — сказала она тогда, пряча покупку в секретер. И только после окончательного решения, что подарить подруге, Августина набрала номер.

Видимо, все эмоции отразились на лице, Аллочка (так называла Августина свою опекушку, к мужу ее обращаясь исключительно «дядя Иосиф»), задав испуганно вопрос: «Что?», пролила немного кофе мимо чашки. «Она мне отказала!» — ответила Августина и заплакала. «Не реви! Должна быть причина. Сходи к ее матери, поговори с ней. Вдруг у Лики твоей не все гладко в семейной жизни?» — неуверенно проговорила Алла, отворачиваясь. Зацепившись за эту идею, Августина тут же оделась и ушла.

Дарья Васильевна не стала скрывать от нее правду — да, Лика разводится с мужем, брак оказался неудачным, кто ж думал — мальчик из такой приличной семьи, а вот поди же ты — пьянь и лентяй... Да и любви то не было ни у того, ни у другого. «Зачем же она за него замуж вышла?» — искренне удивилась Августина, ошарашенная таким заявлением Ликиной матушки. «Так настоящая-то любовь у нее — безответная! Тебе ли не знать!» — горестно вздохнула Дарья Васильевна.

Августина, медленно бредя домой по пустынной улице (время было уже позднее), думала о своем эгоизме, злясь на себя и на Дашевского — он заставил ее забыть подругу, заняв в сердце и голове все места до последней клеточки.

Когда кто-то, подойдя тихо сзади, приобнял ее за плечи, она закричала. Это был Дашевский, только что недобро помянутый ею в мыслях.

С этого позднего вечера, когда тот проводил ее до дома, и завязались у них с Левушкой странные отношения — доверительно — дружеские, без намека на физическую притягательность и тем более любовь. Нет, она его любила, млея от любого прикосновения, чаще случайного, мимоходом. Но для него, как Августина понимала, женская ее сущность была вне пределов желаний. Она боялась потерять и эту хрупкую близость, поэтому слушала Левушку внимательно, ловя каждое слово, даже если это были признания в любви к другой. Этих «других» было множество — частая смена объектов сексуального вожделения друга радовала — никак не касались эти связи его сердца, а значит оно было свободно. Но для нее ли?..

С Анжеликой тогда она так и не сумела связаться. Та игнорировала все звонки, Дарья Васильевна стойко держала оборону, не отвечая на вопросы Августины, видимо, по приказу дочери. Августина смирилась, хотя обидно было до слез — подруга отдалилась от нее в самый сложный момент своей жизни.

Лишь через несколько лет она узнала, что настоящей причиной развода с мужем стала случайная встреча Анжелики с Павлом Ледневым в Москве, где тот учился в медуниверситете, краткосрочный их роман, закончившийся для него с переводом в родной город. Для подруги его отъезд стал крахом надежд на счастье с ним...

Сейчас, приняв его помощь, она испытала неловкость. Заметив во взгляде бывшего одноклассника застенчивую грусть, боялась одного — дать ему ложную надежду.